

И.К. Пименова

РОМАН Е.МИХАЛКОВОЙ «МАНУСКРИПТ ДЬЯВОЛА»: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Роман автора детективных романов Е.Михалковой «Манускрипт дьявола» вышел в свет в 2010 г. [1]. По нашему мнению, он свидетельствует о новых тенденциях в творчестве этой создательницы детективов. Нам уже приходилось писать о том, что стремительный рост ее популярности, пришедший на последние годы, позволяет говорить о переменах в самом женском детективе. Е. Михалкова, в отличие от своих современниц, идет несколько иным путем, о чем свидетельствует, в том числе, и ее роман «Манускрипт дьявола». Цель данной статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать особенности поэтики этого произведения в контексте русской и мировой литературы. В современном литературоведении этот вопрос пока не ставился, хотя женский детектив предметом изучения уже являлся.

Исследователями избираются различные контексты для определения его своеобразия. Это и контекст «женской» литературы, и литературы массовой и, конечно, детектива в целом. Думается, новый роман Е. Михалковой именно в последнем контексте обнаруживает свое своеобразие. Так, по нашему мнению, писательницей учтен и творчески использован опыт братьев Вайнеров. Отличительной чертой некоторых их произведений является, как известно, соединение в рамках одного текста двух сюжетных линий. В основу первой ложится какой-либо исторический материал, например, создание великим скрипичным мастером А. Страдивари своих выдающихся инструментов («Визит к минотавру»). Вторая сюжетная линия связана с современностью: следователи МУРа раскрывают похищение скрипки Страдивари в современной авторам Москве. Эти линии развиваются параллельно, а связующей становится нравственная составляющая: как в прошлом, так и в настоящем важнейшим является не благосостояние, слава, а вечные человеческие ценности. Как известно, для своих произведений братья Вайнеры изучали историческую эпоху, однако в их романах немного собственно исторического: детали, приметы быта стилизованы и, действительно, напоминают средневековую Европу. Однако поведение человека, его речь совершенно узнаваемы и современны, поскольку целью писателей не было создание исторического колорита. Их замысел всегда связан с осмыслением человека вообще, проблем его нравственного выбора, противостояния посредственности таланту и пр., рассматриваемых в рамках детективной истории.

Роман Е. Михалковой «Манускрипт дьявола» также имеет две сюжетные линии. Одна обусловлена раскрытием преступления в современности, другая задана эпиграфом и отсылает читателя к таинственной истории прошлого. В современности действуют излюбленные детективщики автора, переходящие из одного ее романа в другой – частные сыщики Макар Илюшин и Сергей Бабкин.

Эта сюжетная линия напоминает другие романы Е. Михалковой, в которой расследуются преступления, совершенные в современной России. Сюжетная линия, связанная с загадкой манускрипта, представляет собой, на наш взгляд, стилизацию европейского плутовского романа.

Эпиграф к роману звучит так: «Рукопись Войнича (англ. Voynich Manuscript) – таинственная книга, написанная около 500 лет назад неизвестным автором на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита. Рукопись Войнича пытались расшифровать множество раз, но до сих пор без всякого успеха. Единственный вывод, который сделали специалисты, – текст написан на искусственном языке, имеющем четкую логическую структуру. Книга стала "Святым Граалем" криптографии... Большая советская энциклопедия» [1, с. 3]. Обратим внимание на то, что автор романа цитирует Большую советскую энциклопедию, хотя с тех пор, как эта энциклопедическая статья была опубликована, прошло много лет, и современный читатель вполне может почерпнуть сведения о манускрипте Войнича из других, более современных справочных материалов.

Думается, это сделано не случайно. Е. Михалкова намеренно ссылается на одно из авторитетнейших справочных изданий, чтобы подчеркнуть подлинность существования этого текста, обратить внимание на то, что перед читателем – не авторский вымысел, а действительно существующая загадка мировой криптографии. Если сопоставлять эту особенность с романом «Визит к минотавру», то можно видеть, что и бр. Вайнеры также используют реально существовавший предмет - ценную скрипку, изготовленную Страдивари, вокруг судьбы которой разворачиваются события в обеих сюжетных линиях. Рукопись Войнича, как сообщают справочные издания, принадлежала мужу писательницы Э.Л. Войнич, автора известного романа «Овод», У. Войнич. В 1912 г. он обнаружил в окрестностях Рима рукопись, написанную неизвестными буквами на неизвестном языке. Рукопись сопровождалась рисунками, однако изображенные на них растения науке не известны, и астрологическими символами, не соответствующими существующим представлениям об астрологии. Все попытки датировки и расшифровки этой рукописи до сих пор успехом не увенчались, потому у Е. Михалковой было широкое поле для художественного вымысла: она связывает с манускриптом судьбу своего средневекового героя, а также современной героини Натальи Куликовой, которая пытается дешифровать рукопись Войнича.

Сведения о ней, приведенные в эпиграфе, уточняются и дополняются в тексте романа. Частный детектив Макар Илюшин рассказывает: «... эту рукопись нашел Уилфрид Войнич, книготорговец, в тысяча девятьсот двенадцатом году, - рассказывал за обедом Макар. – Дело было в Италии. По словам Войнича, он выкупил книгу в каком-то монастыре, но проверить это нельзя, поскольку он дал обещание не разглашать имени продавца. Остается верить Войничу на слово. Его, само собой, обвиняли в мистификации, но похоже, что книготорговец не

врал – в противном случае эксперты датировали бы документ нашим временем. А они датировали его совсем другим. – Каким же? – Шестнадцатым веком. К тому же к рукописи прилагается письмо, которые ректор Пражского университета написал своему другу, и с нем содержится просьба расшифровать манускрипт. Доказать подлинность письма не удалось, а это говорить само за себя. Книга написана на пергаменте, в ней двести с чем-то страниц, но часть из них была утеряна, вот только непонятно, когда, – после того как нашли рукопись, или" до. Оставшиеся двести страниц, как ты уже понял, зашифрованы, или же текст написан на неизвестном нам языке» [1, с. 39]. Далее Макар характеризует иллюстрации, также оставшиеся необъясненными. Это дает читателю полное представление как об истории текста, так и сложностях, которые приходится решать его дешифровщикам.

Глава 2 романа, повествующая о начале расследования похищения Натальи Куликовой, работавшей над дешифровкой манускрипта Войнича, неожиданно прерывается: автор начинает повествование о бегстве Эдварда Келли после очередной аферы. В начале этого фрагмента герой, от имени которого ведется повествование, несколько раз использует слово «пройдоха», а затем вкратце рассказывает о своих приключениях: «... я вспоминал для поднятия духа те удачные проделки, которые не только принесли мне выгоду, но и оставили после себя приятнее чувства» [1, с. 47]. Он перечисляет свои победы над доверчивыми жителями Ланкастера, которых удалось обвести вокруг пальца, подделывая документы на аренду земель и имущества, распоряжаясь закладными бумагами и пр. Этот фрагмент, а затем и вся сюжетная линия, связанная с Эдвардом Келли, напоминают плутовской роман.

Как известно, жанр – категория исторически обусловленная. Жанр плутовского романа, зародившегося в Испании в середине XVI в., в сущности, исчерпал себя к XVII в. Но в мировой литературе была жива, по выражению М.М. Бахтина, «память» этого жанра, элементы которого возрождались в произведениях разных национальных литератур. Как пишет Н. Томашевский, «жанр плутовского романа предполагает прежде всего некоторую преемственность содержательных структурных моментов, связанных с определенной поэтикой, моральной проблематикой, определенными утверждениями о жизни и человеке, принятыми однажды в одном произведении и обновляемыми в произведениях последующих писателей, отражающих сходную историческую реальность. Когда же эта историческая реальность была преодолена, некоторые признаки жанра включились в иные литературные системы. Разобщение формы и содержания – верный признак завершения исторической жизни жанра» [2, с. 5]. Потому не может быть и речи о том, что в романе Е. Михалковой возрождается или обновляется жанр плутовского романа: думается, речь должна идти о мастерской стилизации, позволяющей автору представить героя-плута, судьба которого обусловлена «манускриптом дьявола».

В центре плутовского или пикареского романа всегда стоял герой-пикаро. Н. Томашевский пишет о происхождении этого героя: «Массы жили в ужасающей нищете, и эта нищета, отягощенная презрением к каждодневному систематическому труду, в сочетании с всеобщим ослеплением легкой наживой за океаном, обезлюживанием деревни и переселением в города, способствовала созданию если не класса в строгом смысле слова, то обширной прослойки авантюристов, бродяг, тунеядцев и бездельников. Образованию этой прослойки не только не препятствовали всевозможные благотворительные учреждения и подаяния, но напротив - они лишь умножали эту категорию разношерстных тунеядцев и авантюристов. Нищета, общественное отчаянье, безнадежность и моральное разложение породили пикаро. <...> Означало оно человека, занятого черным трудом, не имеющего своей профессии и живущего случайными заработками, бродягу, мошенника. ... К категории пикаро относились студенты-недоучки, мелкие безработные чиновники, приживальщики, воры, проститутки. У них был свой жаргон, своя иерархия, свои организации, свои законы» [2, с. 8]. И если с точки зрения социальной пикаро разрушали общественное устройство Испании, то с точки зрения литературы этот герой являлся «самой могучей формой протеста» [2, с. 8].

Исследователь выявляет наиболее характерные черты жанра пикареского романа. Прежде всего, речь идет о повествовании от первого лица, представляющим собой своего рода «автобиографию», состоящую из восхождения путем афер, мошенничества, преступлений к вершинам социальной лестницы. При этом в классическом плутовском романе повествование практически не привязано к исторической действительности: одна-две детали связывают его со временем. Герой действует под влиянием голода, служит за еду, возвышается путем перехода от одного господина к другому, исполняя везде одни и те же обязанности. Автор-повествователь в плутовском романе к середине XVII в. сливается с героем-повествователем. Композиция романов, в которой эпизоды расположены в хронологической последовательности, почти всегда является открытой, поскольку приключения героя можно множить до бесконечности. Его история прерывается либо сентенцией о превратностях человеческой судьбы, либо удачной женитьбой и сообщением о том, что героя ждут еще приключения, либо другим искусственным финалом. С течением времени жанр плутовского романа исчерпывает себя, многие его черты утрачиваются, а героем становится женщина («Севильская Куница») и пр.

Как и в плутовском романе, Е. Михалкова предпосылает этой сюжетной линии романа пролог, в котором повествуется о таинственной рукописи. «Автобиографизм» в «Манускрипте дьявола» также является одним из способов стилизации плутовского романа, позволяющим изображать действительность в перспективе мировосприятия героя-повествователя, а с другой стороны, сохранять особую точку зрения на события. Не случайно Е. Михалкова называет своего героя Эдвард Келли – именем существовавшего жулика, который был

помощником пражского алхимика Джона Ди. Они оба упоминаются в связи с историей рукописи Войнич, поскольку одним из объяснений ее происхождения является мистификация, которую, якобы, и проделали Эдвард Келли и Джон Ди для Рудольфа Второго, правителя Праги, известного как алхимик и любитель магии. Эдвард Келли в романе Е. Михалковой рассказывает о себе от первого лица, прославляя свои подвиги и, как в классическом пикареском романе, его самохарактеристика вступает в противоречие со смыслом его деяний. «Подвиги» Эдварда Келли – это разорение, обман, насилие, которые в его представлениях являются ключом к социальному успеху. Происхождение героя неясно, но, вероятно, он вынужден мошенничать, чтобы прокормиться. Делая центральным героем известного средневекового авантюриста, связывая его историю с пражским кругом алхимиков, автор романа, с одной стороны, насыщает одну из сюжетных линий историческими деталями, а с другой – задает определенный литературный «код», обусловленный пикареской традицией.

Средством стилизации, думается, являются имена (Якоб, Молли и пр.) и речь героя. Вот, например, как охарактеризованы его способности психолога: «Главное – вызвать доверие. Худые люди не вызывают доверия: у большинства из них голодный взгляд, и говорят они слишком быстро, словно торопятся надуть вас. То ли дело человек полный! Такие почти всегда располагают к себе. Особенно если у них есть бумага, которая может принести выгоду обеим сторонам» [1, с. 48]. В речи немало обращений к слушателю, риторических вопросов и восклицаний: «Не говорите мне, что я принудил ее! Вовсе нет! Я дал девушке повод, который без моей подсказки она вряд ли нашла бы сама» [1, с. 49] и пр. События, о которых говорит герой-повествователь, расположены в хронологической последовательности, эпизоды сцепляются между собой поначалу в последовательности определяемой логикой жизни героя, а затем возникновением в его судьбе таинственного манускрипта.

Сюжетная линия, связанная с героем-пикаром, вместе с тем отличается от классического плутовского романа введением мистики. Ведь роман назван «Манускрипт дьявола», а не «Манускрипт Войнич», его происхождение таинственно, а смысл непонятен, что обуславливает определенные элементы текста. Автор вводит в эту сюжетную линию мотив мести: над успешным Эдвардом Келли смеется девчонка, отдавшаяся ему ради спасения имущества своей семьи. Воспользовавшись ее наивностью, Келли разоряет семейство, и девочка, вырастая, жестоко мстит своему обидчику.

Сосуществование в детективном романе Е. Михалковой двух сюжетных линий делает повествование объемным и занимательным. Это дает возможность говорить о том, что писательница меняется как автор детективных произведений, расширяет свой писательский диапазон. Созданная ею стилизация напоминает прием, использованный бр. Вайнерами и уже доказавший свою плодотворность. Как и у ее предшественников, у Е. Михалковой явно прослеживается стремление отстоять морально-нравственный кодекс обычного человека, заслуживающего уважения, признания

свободы выбора, его чести и пр., что всегда волновало авторов советских детективов. Разумеется, в романе отражены и черты современной российской действительности, однако эта тема требует отдельного освещения.

Литература

1. Михалкова Е. Манускрипт дьявола: роман / Елена Михалкова. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 352 с. – (Настоящий детектив).
2. Томашевский Н. Плутоской роман / Н. Томашевский // Библиотека Всемирной литературы [Ред. совет И. Абашидзе и др.]. Плутоской роман. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 5 – 20.

Анотація

І.К. Піменова. Роман О. Міхалкової «Манускрипт дьявола»: текст і контекст.

У статті аналізуються прийоми, використані для стилізації європейського шахрайського роману у новому творі О. Міхалкової- Доводиться, що авторкою використані суттєві риси, які свідчать про актуалізацію у новому детективному романі «пам'яті жанру» шахрайського роману: «автобіографізм», хронікальна композиція, відкритість композиції, шахрайство як засіб досягнення соціального успіху.

Ключові слова: жіночий детектив, стилізація, шахрайський роман.

Аннотация

И.К. Пименова. Роман Е. Михалковой «Манускрипт дьявола»: текст и контекст.

В статье анализируются приемы, использованные для стилизации европейского плутовского романа в новом произведении Е. Михалковой. Доказывается, что автором использованы существенные черты, свидетельствующие об актуализации в новом детективном романе «памяти жанра» плутовского романа: «автобиографизм», хроникальная композиция, открытость композиции, плутовство как способ достижения социального успеха.

Ключевые слова: женский детектив, стилизация, плутовской роман.

Summary

I.K. Pimenova. E. Mihalkova's novel "The Devil's Manuscript": text and context.

The article analyzes the techniques used for stylization of the European picaresque novel in E. Mihalkova's latest work. It is proven that the author employs important elements which establish the renewal of "genre memory" of the picaresque novel in the new detective novel: "autobiographism", an open, chronological composition, trickery as a means of attaining social success.

Keywords: female detective story, stylization, picaresque novel.